

УДК 930.2

Золотов В.И., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

В статье рассматриваются некоторые проблемы изучения исторического пространства, одного из направлений современного исторического знания. Ещё в середине ушедшего столетия Ф. Броделем был актуализирован вопрос о социальной составляющей исторического пространства. В современном социально-гуманитарном знании всё более востребованным становится понимание разных масштабов глобализации, соотношения национального и наднационального, специфика «инаковости» развития того или иного государства. В методологии темы географическое пространство очерчено границами социального взаимодействия и, определённым образом, трансформируется в пространство историческое. Предметное поле исторического пространства в любом случае социокультурное и определяет особенности существования социальной общности. Границы общности формируют сети взаимодействия, составляют пределы реальному поведению индивидов и их межличностным отношениям. Природа предмета исторического пространства продуцирует проблему соотношения социологического и антропологического подходов в изучении векторов развития исторического пространства. В современном историческом знании всё более заметно значение антропологической эпистемы, глубинной бессознательной основы социальных практик (И.М. Савельева). Невнимание к такой основе стало фокусом критики «геоистории» Броделя, непризнание им истории ментальностей как предмета, определяющего основные векторы общественного развития. На конкретных примерах П.Ю. Уваров рассматривает процесс становления средневековой цивилизации в оптике взаимодействия различных социальных общностей эпохи. Перемещение кочевых цивилизаций из Восточной и Центральной Азии в западном направлении привело к коренным изменениям в земледельческом социуме на западе Евразии. Именно здесь сформировались условия, обеспечившие эффективное взаимодействие индивида и общества в пространстве прихода и поместья, этих центров силы и влияния при слабом государстве. Образ мышления в регионе обеспечивал созидательный потенциал социальных противоречий. Потерю Испанией к концу XVI в. силы и богатства И.Ю. Николаева анализирует через восприятие мира т.н. пикаро (picaño), жителя полуострова, «выбитого из колеи», хранителя социально негативных установок сознания и поведения. Пространственно-темпоральные перспективы изучения исторического пространства при соответствующих междисциплинарных подходах обретают новый эвристический потенциал.

Ключевые слова: историческое пространство, социальные общности, Ф. Бродель, антропологические подходы, бессознательное, *ecclesia*, поместье, пикаро.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-03-46-57

Проблема исторического пространства стала одним из направлений развития исторического знания на рубеже XX-XXI вв. Но ещё за полвека до этого Ф. Бродель с его «Историей

Средиземноморья» инициировал вопрос о понимании содержания исторического пространства. Упрёки критиков в адрес французского учёного в целом сводились к тому, что из его

«геоистории» улетучивается самое существенное - человеческое присутствие, без которого не существует «Новой социальной истории». Последующий спор Ф. Броделя и К. Леви-Стросса о сущности истории имел плодотворное продолжение, в том числе растущее внимание к исторической антропологии, истории ментальностей, микроистории, тем направлениям научного поиска, которые делали предметом истории человека во всех его ипостасях и обстоятельствах.

С другой стороны, процессы глобализации, характеризующие современное состояние мира, актуализировали существенные изменения в сфере социально-гуманитарного знания и исторической практики. Одним из аспектов глобальной истории становится внимание к разным масштабам глобализации нашего мира, проблемам соотношения в ней национального и наднационального, «инаковости» развития того или иного государства, страны. Такой разворот трендов мирового развития «предполагает изучение локальных явлений с глобальной точки зрения», «идентифицируя их общие черты», но одновременно «выделяя то, что отличает их как уникально-локальные» [см.: 6, с. 197, 202].

Объектом моего исследовательского интереса станет историческое пространство. Как его понимать? Согласно П. Бурдьё, пространство в историко-теоретическом смысле осознаётся не только как синоним территории, это простейший случай, но и как помещённая в определённые рамки социальная реальность, «ансамбль невидимых связей» [1, с. 299]. Одна из главных функций географического

пространства в историческом исследовании состоит в том, что оно служит способом задать рамки предмету истории, то есть очертить границы социальных взаимодействий в прошлой реальности и тем самым трансформироваться в пространство историческое. В построении таких трансформаций велика роль субъекта исследования, историка, создающего свою «территорию историка», становящуюся предметом исследования. Историк может исходить из своего видения пространства, может говорить о пространстве, сконструированном участниками социального взаимодействия, а может изучать сам процесс конструирования пространственных образований в тот или иной период прошлого [8, с. 38].

Проблема контента и тотальной истории этих трёх пространств (сущностей) продуцирует вопросы методологии таких исследований. Из основных их три - предметное поле исследования, методы и методология исторического поиска.

Предметное поле исторического пространства может быть самым разным. Оно может быть экономическим, социальным, политическим, антропологическим. Добавим психологическое, эмоциональное, религиозное, ментальное наполнение, образы и намерения. Метафизика «ансамбля невидимых связей» определяет сущностное его наполнение, взаимодействие и взаимовлияние целого ряда импульсов и условий, их векторы и тренды - от природно-географического, политического, хозяйственного, религиозного, культурологического до особенностей массового сознания и менталитета. Однако в любом случае оно

социокультурное.

В любом случае «ансамбль невидимых связей» определяет существование социальной общности. Под ней понимаем все объединения людей, в которых создана и сохраняется, хотя бы в течение очень короткого периода, определённая социальная связь. Этим термином будем означать все устойчивые формы совместной жизни, некие глубинные регулярности. Социальной связью - совокупность отношений и зависимостей, возникающих между членами любой общности [17, с. 117, 113; 3, с. 33; 11, с. 210-211]. Таким образом, социальная общность станет предметом нашего внимания.

Социальная общность имеет разные масштабы. Способ повседневного существования людей, акторов общности, устанавливает их отношения друг к другу и образуют локальную общность. Локальная общность, в свою очередь, является частью региональной, глобальной общности. Все три разномасштабные общности существуют в различных подсистемах социального управления и играют важную роль в детерминации поведения образующих её индивидов. Границы общностей «накладываются» друг на друга, пересекаясь в локальном микрокосме и даже в одном и том же индивиде. Названные границы формируют сети социального взаимодействия, задаёт пределы реальному поведению индивидов и их межличностным отношениям, при этом сохраняя основу для сосуществования в историческом пространстве перекрывающихся друг друга социальных идентичностей [см.: 6, с. 167, 174].

Наложение контента глобальных,

региональных и локальных общностей формирует постоянный процесс взаимозависимостей, взаимодействия, взаимовлияния того самого «ансамбля невидимых связей». Непременным атрибутом изучения тотальной истории на микроуровне является сравнительный сетевой анализ индивидуальных и коллективных социальных контактов (при этом необходимо учитывать и внелокальные источники влияния и социального престижа, если таковые обнаруживаются) [см.: 6, с. 168, 169].

Применение социологических и антропологических моделей сетевого анализа межличностных взаимодействий формирует теоретические основания нашего исторического поиска, даёт контекстуальную интерпретацию развития локальной общности. Архитектура, плотность и интенсивность межличностных контактов, содержание и направленность межличностных коммуникаций определяется через контекст взаимодействия [6, с. 170].

Названные представления о предмете исторического пространства ставит проблему выбора между социологическими и антропологическими подходами его изучения. В современном историческом знании всё более заметна доля антропологических подходов. Критерий различий гуманитарного и социологического знания - в методах исследования. Социальные науки - преимущественно эмпирические и формализующие. Гуманитарные науки в исторические исследования приносят преимущественно критические или спекулятивные, интерпретативные методы, такому подходу свойственна критическое наполнение. И. М. Савельева в статье с

провокативным названием говорит о двуликости истории. Ведя речь о непростой связи теорий и методов, автор обращается к *cultural history* и постулирует, что гуманитарные основы истории реализуются через «стратегию присвоения» [9, с. 12-13, 17]. Включение воображения и работа в области допущений, что является приемлемыми гуманитарными методами, позволяет получить знание, которое невозможно обрести более «строгими» способами. Теория символического интеракционизма, по которой человеческое действие - не только взаимодействие между индивидами, но и взаимодействие в индивидуальном сознании включает непрекращающийся процесс размышления, в том числе опирающийся на источники [9, с. 20, 22].

Устойчивая эффективность гуманитарных способов познания объясняется тем, что гуманитарные науки имеют дело со смыслами (тексты разного вида), а социальные - с процессами, институтами, механизмами, действиями (*agency*). Гуманитарные науки, в отличие от социальных, не предлагают модели и не ведут наблюдения, а постигают смыслы, в том числе, «высшие смыслы», определённо находящиеся вне компетенции социальных наук. Исследование специфических гуманитарных подходов позволяет уловить вещи более эфемерные, чем тренды, паттерны, механизмы или статистические закономерности [9, с. 26]. Спрос на социальные теории у историков, определённо, остался, но социология как источник спорных теорий обеспечивает его минимально. История достаточно «социальна» и отражает *state of arts*

современных социальных наук, [10, с. 20], искусство интерпретации.

«Геоистория» Ф. Броделя появляется как следствие споров довоенного времени о равноправии социальной и гуманитарной составляющей исторического знания. Деятельность человека в определённой географической среде создаёт паритет истории и социальных наук. На рубеже 50-60-х годов прошлого века антрополог-структуралист К. Леви-Стросс оспорил первенство истории среди социальных наук. Историк, согласно Леви-Строссу, изучает базовый уровень реального, при этом его единственный, сугубо эмпирический план наблюдения малопригоден к более глубокому познанию. Историк обречён жить в непрозрачности бесформенного описания, в хаосе случайного совпадения. Только антрополог может распознать глубинную бессознательную основу социальных практик [см.: 12, с. 113-115]. Бродель парировал этот вызов, обновляя и усваивая достижения структурной антропологии через теоретическое обоснование множественности режимов исторического времени [12, с. 117-118].

Социальное содержание (наполнение) пространства стало поводом к критике броделевской концепции. В концепции времени, предложенной Броделем, замечает З.А. Чеканцева, пространственное его восприятие нивелируется [16, с. 75]. Целый ряд рецензентов, разделяя важность введения в историческое исследование принципа множественности временных деятельностей, вместе с тем отмечали, что они не в состоянии постигнуть того, как «организована иерархия разных ритмов»; каковы соотношения между

«структурами», подчиняющимися «времени большой протяжённости» и «конъюнктурами», в которых действует время сравнительно более краткое. В том числе короткое время, время человека. Отсутствие этих связей не ведёт ли к распаду изучаемой Броделем «тотальной истории» на конгломерат разрозненных явлений и процессов, образующих не логически связанное целое, а пёструю мозаику? [см.: 4, с. 119].

Таким образом, одно из основных сомнений такой критики - в непризнании истории ментальностей как предмета, определяющего основные векторы общественного развития [см.: 4, с. 123-124, 125]. В антропологии К. Леви-Стросса с её новыми возможностями к социальному бессознательному последний был более убедителен [12, с. 117-118]. Принцип множественности временных длительностей у Ф. Броделя не дали убедительной картины взаимодействия различных «структур» общества. История социальных групп в пространственно-временных рамках реального социального взаимодействия остались за пределами его поисков.

Глобальная история опирается на представление о структурной когерентности (когда всё существующее находится во взаимосвязи) мирового исторического процесса с максимальным учётом разнообразия его составляющих и взаимозависимости всех его локальных акторов [см.: 6, с. 174, 204, 211]. К началу XXI в. вопрос о том, как локальные общности «взаимодействовали с миром за пределами своих границ» в разные исторические эпохи оказался в центре внимания ведущих специалистов локальной и региональной

истории. При этом основное внимание поиска к тому, повторимся, что глобальная история «предполагает изучение локальных явлений с глобальной точки зрения», «идентифицируя их общие черты», но одновременно «выделяя то, что отличает их как уникально-локальные» [6, с. 197, 199, 202].

В этом ракурсе по-своему представляется природа, структуризация контента пространства в двух очерках П.Ю. Уварова, представленных во Введении и Заключение ко второму тому «Всемирной истории» [13, с. 5-15; 14, с. 810-818]. Том содержит современное понимание развития Средневековой цивилизации. Процесс имеет совершенно иной масштаб и траектории развития, при котором взаимодействие разных пространств эпохи Средневековья объясняет уникально-локальные черты Средневековой цивилизации Западной Европы.

Трактовка содержания и характера пространства в очерках исходит из концепции мир-системной модели становления данной цивилизации. Эта картина полна динамизма, она в постоянном развитии, подразумевает наличие множества локальных вариантов развития. Автор исходит из того, что к началу Средневековья «пояс цивилизаций», растянувшийся от Западной Европы и Северной Африки до Дальнего Востока, вполне можно назвать средневековой Мир-Системой, охватывающей к началу эпохи Средневековья большинство населения Старого Света [13, с. 8]. В каждый отдельный момент Средневековая мир-система имеет своё «ядро», «полупериферию» и «периферию». О динамике и траекториях пространства средневековых цивилизаций

говорит уже то, что первоначально таким «ядром» были номады и «кочевые империи», в конце Средневековья таковой стала Западная Европа.

Пульсация «Великой степи», протянувшейся от Маньчжурии до Приднестровья и даже Паннонии, выводит на арену многочисленных номадов. Эффективность кочевого хозяйства и проистекавшая из неё способность выставлять неслыханное число умелых конных воинов были их важными аргументами в диалоге с народами оседлых цивилизаций. Но кочевники экономически не могли существовать без последних. Набеги, данничество, обмен (чаще всего неэквивалентный), формирование «своих» зависимых и полузависимых оседлых поселений (малоизвестные до недавнего времени «города кочевников») - вот неполный перечень форм этих взаимоотношений. В то же время в кочевом обществе не выработалась внутренняя потребность для возникновения государства. Однако чем богаче и сильнее была соседняя оседлая империя, тем раньше номады объединяли свои усилия - одни за другими возникают каганаты и ханства, которые иногда превращаются в «кочевые империи» [13, с. 9-11]. Их присутствие станет атрибутом средневековой Мир-Системы, во многом определяя динамику её развития.

Номады придавали «мировому Средневековью» фактор системности. Вынужденные соседствовать с кочевыми империями государства либо находили адекватные ответы на вызовы, либо погибали. Государства «второго эшелона», «полупериферия», или регионы, географически удалённые от кочевой угрозы,

продолжали ощущать влияние ритмов пульсации Великой степи. Это происходило, когда эти государства вынужденно противостояли государствам, сумевшим ответить на вызов номадов (или основанным в результате завоеваний кочевниками) [13, с. 11-12]. Региональная идентичность в этом случае понимается не как данность, а, прежде всего, как результат активности элит. Такими, очевидно, становятся племена и протогосударственные образования Восточной Европы. Акцент исследовательского поиска переносится на менталитет, образ мышления, мироощущение обитателей региона. При таких теоретических установках приоритет в процессе исследования отдаётся социокультурным измерениям и признанию активной роли человека как в формировании окружающей среды и пространства регионов, так и в создании структур идентичности (в процессе выстраивания «образа себя» и «образа Другого») [6, с. 179-180; 7, с. 8, 10].

Многочисленные регионы Мир-Системы Средневековья (Византия с её государственно-христианской концепцией государственной власти, Русское государство с заимствованиями от исторической византийской модели и ордынского наследия, Османская империя с пережитками восточной деспотии) не существовали изолированно. Взаимовлияния неизбежны и данный процесс оказывал весьма значимое влияние и для их внутреннего мира [см.: 14, с. 810]. При всём своём драматизме Средневековье демонстрирует более высокий и более гибкий уровень разнообразия и взаимодействия внутри Мир-Системы [13, с. 14, 15].

Каким образом Латинскому Западу в определённый (но исторически очень важный) период удалось стать «ядром» Средневековья? Такой вопрос выводит в поле исторического поиска наполнение пространства Западной Европы. В одних своих версиях региональная история смыкается с локальной историей, в других - дистанцируется от неё, причём границы между ними остаются неясными и зачастую просто не рефлексированы. Локальные микроструктуры имеют свой социоинтегративный потенциал. Конкретное содержание осуществляемых в них регулярных или спорадических взаимодействий «опутывает» пространства разного уровня. Эта непрерывно флуктуирующая сеть, в которой реализуется реальное многообразие социальных связей, формирует соединительную ткань социального целого [см.: 6, с. 177, 190].

Около Тысячного года, продолжает П.Ю. Уваров, Запад переживал стремительное изменение. Политическая власть оказалась в руках собственников сеньорий, осуществлявших судебные, административные и военные функции. Перенос власти-собственности на локальный уровень вёл к интенсификации крестьянского труда. Для феодального Запада основной ячейкой не только хозяйственной, но и политической жизни являлась сеньория (дополненная общиной и приходом). При слабом государстве складывается сочетание эффективного господства на местном уровне с самоорганизацией непосредственных производителей, не отделённых от средств производства - одно из самых творческих противоречий европейской феодальной системы. Главной

интегрирующей силой феодальной Европы П.Ю. Уваров называет эклессию. Историк обращает внимание на особую роль пространства прихода и диоцеза в формировании локальных общностей, изменение форм церковного (а, следовательно, социального) освоения пространства в Западной Европе [15, с. 50-73]. Христианская церковная доктрина сформулировала образную теорию двух равных по силе мечей, помогающих друг другу и никогда не соприкасающихся. Изменились и представления о Церкви как мистическом Теле Христовом, вмещающем в себя всех верующих. Поэтому резонно считать XI- начало XIV в. апогеем Церкви как главной центростремительной силы, связывающей христианскую Европу [2, с. 159, 70-71]. Ценностные установки, правовые традиции и цивилизационные особенности оказываются весьма существенными для макроэкономических показателей в силу особой пластичности средневековой западной цивилизации, порождаемой, в том числе, и особым способом мышления, способом связывать свои противоречия [14, с. 815, 816-817]. Главным актором развития средневекового общества становится самостоятельный в своём творчестве, повседневной жизни земледелец, ремесленник, торговец, университетский профессор, образованный чиновник, эрудированный клирик.

Исследование массовых представлений, коллективных, серийных стереотипов сознания как нельзя более отвечало запросу «тотальности» для выяснения их роли и функционирования социальной системы в целом. Одним из проявлений движения «за

возврат человека в историю» явилось выделение таких дисциплин, как история ментальностей, психоистория и историческая антропология.

Исходная посылка «новой научной истории» заключалась в воссоздании комплексной картины исторического бытия, в центре которой мыслится человек во всём многообразии его отношений с окружающим миром. Но именно человек - главный агент истории - оставался, по выражению И.Ю. Николаевой, «неберущимся интегралом». Его сознание, эмоции и поведение представлялось невозможным сколько-нибудь системно анализировать, чтобы не впасть в грех всякого рода возможных упрощений. Тем не менее, историк томской исторической школы сумела внести свой вклад в проблему совмещения изучения внеличной малоподвижной структуры общественного сознания и истории индивида с его уникальными интересами, чувствами и целями [см.: 5, с. 16-18, 19, 20]. Сложности верификации результатов такого исследования И.Ю. Николаева формулирует следующим образом - «Это проблема синергии рационального и неосознаваемого, проблема выявления пластики эмоциональных реакций и конструкторов сознания, проблема «наведения мостов» между коллективными и ментальными установками, проблема изменчивости ментальных структур в их системной взаимосвязи с историческим контекстом, проблема верифицируемости полученных результатов» [5, с. 19]. Ментальность, понимаемая как структурная целостность, как органичное, хотя и противоречивое единство сознательного и бессознательного определяет

предложенную И.Ю. Николаевой методологию названного поиска. Она представляется как «бессознательное, схожие представления о нём, как явления социокультурной природы и как феномена, чьё функционирование находится в определённой закономерной связи с работой «чистого сознания», поддающемуся научному анализу» [5, с. 24, 34].

Возможность синергетичной работы указанного социопсихологического инструментария с вполне определёнными макроисторическими теориями томский автор демонстрирует на ряде примеров из истории Средневековья. Одним из них является интерпретация тех обстоятельств, которые, на примере Испании XVI в., привели страну к краху. Вступив в это столетие в блеске славы и могущества, к его концу Испания теряет свои позиции.

Традиционное объяснение такого поворота в истории королевства сводится к тому, что страна была отброшена на полупериферию европейской миросистемы, главным образом в силу большого влияния идеологизированного политического режима на экономику, общество, культуру. Дворянские ценности, отрицание трудовой этики вышли за сословные рамки и стали ценностями большей части общества. Свою особую роль сыграла Реконкиста, задавшая ряд негативных «программ» или комплексов, прежде всего комплекса «героической лени».

Комплексы «лени» или «презрения» к производительному труду в Испании следует искать, считает И.Ю. Николаева, в более отдалённом прошлом пиренейского королевства [5, с. 302, 309, 310]. Автор пытается показать

системный характер особых черт пространства через призму мироощущения общества, которое несло на себе печать выраженных процессов маргинализации. Источником для анализа служит материал плутовского романа, распространённого жанра времени. Основной герой романов этого жанра - пикаро. В переводе с испанского *pica-ro* - низкий, подлый, хитрый, лукавый, а также подлец, плут, хитрец, озорник, проказник, шалун. Впервые этот термин регистрируется в текстах 1540-х годов. Он означал человека, занятого чёрным трудом, не имеющего профессии и живущего случайными заработками. К категории пикаро относились студенты-недоучки, мелкие безработные чиновники, бывшие солдаты, разорившиеся дворяне, шуты, картёжники, приживальщики, воры, проститутки. Это человек, «выбитый из колеи», маргинал, чья идентичность носила не просто спутанный, но деформированный характер, с большим грузом социально негативных установок сознания и поведения. Создаётся впечатление сытого, довольного собой, преспокойно существующего за счёт обмана и шулерства плута, который где-то даже горд собой [5, с. 302, 309, 310, 313-315].

Встаёт вопрос - почему этот образ оказался если не привлекательным, то притягивающим внимание широкой аудитории? Не было ли это связано с особенностями ментального склада широких слоёв испанского общества?

Можно предположить, что менталитет пикаро в деформированном виде «снял» некие важные установки сознания и мироощущения, присущие достаточно широкой части добропорядочных членов испанского общества.

Баснословная популярность плутовского романа даёт основание предположить, что мир пикаро, живущего легко и празднично, не брезгуя воровством, плутуя, обманывая других, по каким-то причинам давал основания для неких идентификаций внешне живущего по законам совести и права испанца [5, с. 315-316, 318-326, 329-330].

Тот отклик, который нашли плутовские романы в сознании широких слоёв добропорядочного бюргерства, позволяет говорить о наличии бессознательных идентификаций этого слоя с героями пикаресного мира. В условиях хлынувшего в страну дешевого золота и серебра, появления доступного рынка в виде колоний Нового Света, актуализировались глубинные установки, связанные с наживой, обретшие новую, причем более отрефлектированную форму. Жажда денег - преобладающая мотивация для большинства испанцев того времени. Однако слабая укорененность в ментальном универсуме испанца тех матриц сознания, которые были бы связаны с необходимостью упорного труда, в условиях быстро приносимой прибыли от колониальной торговли, отсутствия стимулирующего влияния политики протекционизма и меркантилизма, привели к тому, что эти матрицы не только не смогли стать базой для оформления новых ценностных ориентаций труда и честной наживы. Они оказались подвергнуты снижению, девальвации на уровне ценностных установок и тем самым блокировали процесс спонтанного направления энергии в производительную сферу [5, с. 355].

Пространственный поворот в

современном историческом знании актуализирует проблему глобальных, региональных, локальных контекстов развития общества. Современное понимание глобальной истории подразумевает наличие множества локальных вариантов и траекторий развития. Одной из задач этого поиска становится интерпретация пространства с точки зрения присутствия в нём человека. Человека, который не виден, его присутствие в макро- и микроструктурах пространства не имеет строгих контуров и границ. Данный феномен резко меняет содержание эвристического поиска историка - мы наблюдаем переход от казуального объяснения глобальной истории к контекстуальному.

Внимание историка сфокусировано на существующих множественных взаимосвязях, взаимообменах и взаимовлияниях между сравниваемыми объектами и их культурно-историческими контекстами, интерпретации взаимодействия между локальным и универсальным. Процесс такого взаимодействия включает различные варианты адаптации и ассимиляции к воздействиям, внешним по отношению к изучаемым локальным обществам. Пространственно-темпоральные перспективы региональной истории при таких междисциплинарных подходах обретают новый эвристический потенциал [см.: 5, с. 204, 221-226; 6, с. 221-222].

Список литературы

1. Бурдьё П. Социология политики. М.: Социо-Логос, 1993. - 268 с.
2. Воскобойников О.С. Средневековье крупным планом. М.: Эксмо, 2020. – 240 с.
3. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
4. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. – 328 с.
5. Николаева И.Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск: ТГУ, 2010. – 410 с.
6. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. - 560 с.
7. Репина Л.П. История регионов, или «территория историка» после пространственного поворота // Диалог со временем. 2019. № 69. С. 5-16.
8. Савельева И.М. Исторические исследования в XXI веке: теоретический фронт // Диалог со временем. № 38. 2012. С. 25-53.
9. Савельева И.М. Стала ли история социальной наукой // Диалог со временем. № 50. 2015. С. 9-34.
10. Савельева И.М. Историческая наука в XXI в.: ключевые слова // Диалог со временем. 2017. № 58. С. 5-24.
11. Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. - 487 с.
12. Трубникова Н.В. Французская историческая школа «Анналов». М.: Квадрига, 2016. - 336 с.
13. Уваров П.Ю. Что такое Средние века? // Всемирная история: в 6 томах /

Гл. ред. А.О. Чубарьян; ИВИ РАН - М.: Наука, 2012. Т. 2. С. 5-15.

14. Уваров П.Ю. «Роскошь феодализма» // Всемирная история: в 6 томах / Гл. ред. А.О. Чубарьян; ИВИ РАН - М.: Наука, 2012. Т.2. С. 810-818.

15. Уваров П.Ю. Территория как проблема: *in ecclesiamento / incastellamento* в современной французской медиевистике // Средние века. 2018. № 79 (3). С. 50-73.

16. Чеканцева З.А. Время историка // Образы времени и исторические представления. Россия - Восток - Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. С. 67-78.

17. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969. – 240 с.

HISTORICAL SPACE IN A MODERN HISTORICAL STUDY

The paper considers some problems of learning Historical Space, which is one of the modern historical knowledge's directions. In the mid-twentieth century, F. Brodel foregrounded matter of Historical Space social component. Understanding of different globalization's scope, correlation between national and supranational, special features of developing different nations becomes more and more demanding in modern social, humanitarian knowledge. In methodology topic geographical space is limited by social interaction, and in certain way, transforming into historical space. Subject field of Historical Space anyway is sociocultural and defines features of social community's existence. Borders of community forms chains of interaction, also forms limits of real individuals' behaviour and their interpersonal relationships. Nature of Historical Space's subject produces the problem of correlation between sociological and anthropological approach. The importance of anthropological episteme, the profound unconscious basis of social practises, is more and more visibly in modern historical knowledge (I.M Saveleva). Lack of attention to such basis became an object of criticism Brodel's «geohistory» and his irrecognition of history of mentalities as a subject defining main directions of social development. With specific examples, P.U. Uvarov considers the process of establishment medieval civilization in the context of epoch different social communities' interactions. Relocation of nomadic civilizations from East and Central Asia to the West led to fundamental changes in landowner's society in the West of Eurasia. In this area were formed circumstances, that provided effective interaction between individual and society in space of parish and manor, these two centers of power and influence, in the condition of weak government. Way of thinking in the region guaranteed creative potential of social contradictions. Spain's loss of power and wealth by the end of XVI century was analyzed through perception of the world so-called picaro, the peninsula citizen, disrupted his entire routine, the keeper of social negative attitudes of mind and behavior, by I.U. Nikolaeva. Time and space perspectives of learning Historical Study with appropriate multidisciplinary approach gain new heuristic potential.

Keywords: historical space, social community, F. Braudel, anthropological approaches, unconscious, ecclesia, estate, picaro.

References

1. Bourdieu, P. (1993). *Sotsiologia politiki [Sociology of policy]*. Moskva: Sociologos. 268 s.

2. Voskoboynikov, O.S. (2020). *Srednevekovje krupnim planom [The Middle Ages large scale]*. M.: Eksmo. 240 s.

3. Giddens, E. (1999). *Sotsiologia [Sociology]*. Moskva: Editorial URSS. 704 s.

4. Gurevich, A.Ya. (1993). *Istoricheskij sintez i Shkola "Annalov" [Historical synthesis and School "Annales"]*. Moskva: Indrik. 328 s.

5. Nikolaeva, I.Yu. (2010). *Polidistsiplinarnij sintez i verifikatsia v istorii*

[Polydisciplinary synthesis and verification on history]. Tomsk: TSU. 410 s.

6. Repina, L.P. (2011). Istoritcheskaya nauka na rubezhe XX-XXI vv.: socialnie teorii i istoriograficheskaya praktika [Historical science on border XX-XXI centuries: social theories and historiographical practice]. Moskva: Krug. 560 s.

7. Repina, L.P. (2012). Istorija regionov, ili "territoria istorika" posle prostanstvennogo povorota [Regional history, or "territory of historian" after area turning]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time]. № 69. S. 5-16.

8. Saveljeva, I.M. (2012). Istoricheskie issledovanija v XXI veke: teoreticheskij frontier. [Historical Research in XXI century: theoretical frontier]. *Dialog so vremenem*. [Dialogue with Time]. № 38. S. 25-53.

9. Saveljeva, I.M. (2015). Stala li istoria social'noj naukoj. [Is history social science?]. *Dialog so vremenem*. [Dialogue with Time]. № 50. S. 9-34.

10. Saveljeva, I.M. (2017). Istoricheskaya nauka v XXI v.: kljuchevie slova. [Historical science: principal words]. *Dialog so vremenem*. [Dialogue with Time]. № 58. S. 5-24.

11. Tezaurus sociologii: tematiceskij slovar-spravochnik / Pod red. J.T. Toschenko. (2009). [Thesaurus of sociology: subjecting dictionary-reference book / ed. J.T. Toschenko]. Moskva: UNITI-DANA. 487 s.

12. Trubnikova, N.V. (2016). Frantsuzskaja istoricheskaja shkola "Annalov". [French historical School "Annales"]. Moskva: Kvadriga. 336 s.

13. Uvarov, P. Yu. (2012). Chto takoe Srednie veka? [What is the Middle Ages?]. *Vsemirnaja istoria: v 6 tomakh* / Gl. red. A.O. Chubarjan; IVI RAN. [General History: 6 vols. By gen. ed. A.O. Chubarjan; IGH]. Moskva: Nauka. V. 2. S. 5-15.

14. Uvarov, P. Yu. (2012). "Roskosh feodalizma". ["Luxury of Feudalism"] // *Vsemirnaja istoria: v 6 tomakh* / Gl. red. A.O. Chubarjan; IVI RAN. [General History: 6 vols. By gen. ed. A.O. Chubarjan; IGH]. M.: Nauka. V. 2. S. 810-818.

15. Uvarov, P. Yu. (2018). Territoria kak problema: inecclesiamento / incastellamento v sovremennoj frantsuzkoj medievistike. [Territory as problem: inecclesiamento/incastellamento on contemporaneous French medieval research] // *Srednie veka*. [Studies on Medieval and Early Modern History]. № 79 (3). S. 50-73.

16. Tchekantseva, Z.A. (2010). Vremja istorika // Obrazi vremeni i istoricheskie predstavlenija. Rossija. Vostok. Zapad. [Historian's time // Shape of time and historical idea. Russia. East. West]. / Pod red. L.P. Repinoj. M.: Krug, 2010. S. 67-78.

17. Stchepan'skij, Ya. (1969). Elementarnie ponjatija sociologii. [Sociology elementary concepts]. Moskva: Progress. 240 s.

Об авторе

Золотов Всеволод Иванович - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: viz.volic@yandex.ru

Zolotov Vsevolod Ivanovich - Doctor of Sciences in History, ordinary professor, Department of General History and International Relations, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovskij (Russia), E-mail: viz.volic@yandex.ru